

Михаил Венюков

Исторические очерки России

Михаил Иванович Венюков

Исторические очерки России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22493219

Аннотация

«Судьба русской истории, как науки, замечательна. Со времени установления московского самодержавия, особенно с Иоанна Грозного, важнейшие данные, на которых основано ее построение, – кроме официальных актов, – черпаются из сочинений о России иностранцев, вроде Герберштейна, Флетчера, Олеария, Гордона, Берггольца, Манштейна, Сегюра, Макензи-Уоллеса, Скайлера, или из таких русских трудов, которые писаны или печатаны за границу, как например: Курбского, Кошихина, Дашковой, фон Визина, Шишкова, Ермолова, Тургенева, Якушкина, Трубецкого, Розена, Долгорукого, Герцена, Кошелева, Самарина, Бушена, Скребицкого, Ростиславова и пр., не исключая даже записок одной русской императрицы, Екатерины II!..»

Содержание

Предисловие	4
Перемены в составе русской государственной области	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Михаил Венюков
Исторические
очерки России
со времени Крымской
войны до заключения
Берлинского
договора. 1855–1878.
(Фрагменты)

Предисловие

Судьба русской истории, как науки, замечательна. Со времени установления московского самодержавия, особенно с Иоанна Грозного, важнейшие данные, на которых основано ее построение, – кроме официальных актов, – черпаются из сочинений о России иностранцев, вроде Герберштейна, Флетчера, Олеария, Гордона, Бергхольца, Манштейна, Сегюра, Макензи-Уоллеса, Скайлера, или из таких русских тру-

дов, которые писаны или печатаны за границую, как например: Курбского, Кошихина, Дашковой, фон Визина, Шишкова, Ермолова, Тургенева, Якушкина, Трубецкого, Розена, Долгорукого, Герцена, Кошелева, Самарина, Бушена, Скребицкого, Ростиславова и пр., не исключая даже записок одной русской императрицы, Екатерины II!.. Нашим современникам нет нужды говорить, почему это так. Деспотическое правительство, подвергая цензуре книги, выходящие в России, делает невозможным появление у себя дома сочинений, которые бы знакомили с действительным содержанием русской исторической жизни. Оно настолько страшится света истины, что не допускает свободного исследования не только тех событий, в которых само принимало деятельное участие, т. е. вполне современных, а и тех, которые совершились много десятилетий тому назад, но при царствовании голштинской династии. Каждому образованному человеку у нас известно, что историческую правду в наше время дозволено говорить только о событиях, предшествовавших правлению Екатерины II; для позднейших же времен, особенно с воцарения свирепейшего из деспотов, Павла, допущены только сочинения Устрялова, Д. Милютина, Михайловского-Данилевского, Богдановича, Зотова, Корфа и т. п. писателей, сознательно скрадывавших истину, чтобы выставить в безупречном свете самодержавную власть и ее представителей, от которых авторами, конечно, ожидалось и нередко получались «великие и богатые милости».

Настоящее сочинение совершенно чуждо такой угодливости перед лицами, облеченными властью, и, напротив, имеет задачу подвергнуть правдивому разбору ту правительственную их деятельность, которая, с 1855 года, на словах имела всегда целью благо русского народа, а на деле нередко причиняла ему одно зло. При этом речь идет не об одном лице, даже не о лицах вообще, а о целой системе, которая существует в России как наследие средневекового варварства; лица же упоминаются лишь по мере интереса событий, в которых они участвовали и за которые, естественно, должны нести нравственную ответственность. Самое построение книги автор старался оправдать в особом введении; об исполнении же указанных там задач, к сожалению, слишком далеко от совершенства, он позволяет себе сказать лишь одно: пусть завтра появится о данном предмете сочинение более соответственное требованиям науки, и он первый будет рукоплескать. Автор даже надеется, что появление такого сочинения возможно в недалеком будущем, потому что русская мысль с каждым годом приобретает все более самостоятельности и зрелости. Только в обнаружение подобной книги в самой России он откровенно не верит. Иначе он попытался бы издать там свою.

Ни одной минуты автор не сомневается, что сочинение его не удовлетворит, с одной стороны, тех лжепатриотов, которые держатся правила, что «грязное белье не следует стирать на виду у всех», а с другой – тех космополитов, кото-

рые отрекаются от всякой национальной точки зрения на события. Склоняться пред требованиями тех или других он и не имел в виду, следуя только голосу совести и обращаясь к большинству собственно русских людей своего времени, с которыми желал беседовать как их соотечественник. В этом последнем приеме, конечно, есть нечто пристрастное, ненаучное; но автор думает, что сочувствием к судьбам русского народа можно вернее достигнуть пробуждения его к самостоятельности, чем одними холодными рассуждениями об его отсталости, на которые и без того так щедры не только иностранцы, пишущие о России, но и некоторые из ее уроженцев, носящиеся в сфере отвлеченных теорий. Цель настоящей книги – облегчить *русским* людям труд обновления в памяти пережитых ими событий, помочь *им* осмыслить эти события, и показать, насколько существующее государственное устройство России не соответствует ее потребностям. Других целей у автора не было.

<...>

Перемены в составе русской государственной области

*Ход истории народа определяется условиями его
страны.
(Карл Риттер)*

При кончине императора Николая Россия занимала 375 774 квадр. мили и расстилалась по трем частям света на целые 217 градусов долготы, так что солнце никогда не заходило в ней. С точки зрения протяжения не оставалось, по-видимому, ничего желать, а известный статистик Арсеньев, в своих «Статистических очерках России», старался уверить, что и по очертанию границ, т. е. по своему положению среди других стран, эта обширная территория очень выгодна для народа русского. Тем не менее царствование Николая завещало нам серьезные заботы об улучшении наших территориальных условий, а именно:

1) На Кавказе среди наших владений находились две вставки (enclaves), занятые независимыми и даже враждебными нам горцами, общим протяжением около 1600 кв. миль. Их необходимо было покорить, чтобы покончить с разорительною войною, которая тянулась более полувека и которой не предвиделось конца, пока была продолжаема прежняя нерешительная система военных действий.

2) В Среднеазиатских степях мы достигли к 1855 году Аральского моря, низовьев Сыра, долины Чу и подножий Заилийского Алатау. Это была граница очень неудобная для охранения ее от вторжения хищников с юга, особенно на пространстве между Аралом и Каспием и от Перовска до Верного. Так как об отступлении к Уралу и Иртышу нечего было и думать, ввиду существования русских селений впереди линии этих рек и опасности отказаться от владычества над киргизами, то предстояло идти вперед для отыскания более удобных государственных рубежей.

3) Сибирь не имела выхода к стороне Тихого океана. Суровые побережья Охотского моря не представляли условий, необходимых для основания и развития там торговых городов, а за тем ничего не оставалось более, как занять опять Амур, потерянный нами в 1689 году и, по счастью для нас, плохо заселенный китайцами. К решению этой проблемы и было приступлено в самом конце царствования Николая, но впереди предстояло еще немало жертв и усилий, чтобы достигнуть намеченной цели.

4) Восточная война, с морскими державами, показала, как трудно нам охранять наши американские владения, которые пришлось поставить на все время военных действий под покровительство Соединенных Штатов. Предстояло решить вопрос о судьбах этих отдаленных и почти пустынных колоний.

5) Наконец, постепенные захваты и заселение почти всех

свободных земель на поверхности земного шара разными цивилизованными народами в первой половине XIX века ставили еще один, и самый важный вопрос: при наступившем *окончательном* разделе земной суши, не пора ли определить вообще наивыгоднейшие очертания государственной области народа русского и постараться достигнуть их?

Наше время, с 1855 года, и отвечало на большую часть этих вопросов, причем еще ход истории обусловил возникновение и решение нескольких других подобных, т. е. относящихся до территории. Посмотрим, как происходили события и к каким результатам они привели.

Восточная война 1853-56 г., кончившаяся несчастным для нас Парижским миром, лишила нас 190 кв. миль в южной части Бессарабии, примыкающей к Дунаю. Уступка эта была сделана, главным образом, по настоянию Австрии, в интересах ее судоходства по Дунаю, которое и не замедлило приобрести монопольный характер. Отнятая у нас земля была присоединена к Молдавии, как нераздельной части Турецкой империи; но как она заселена преимущественно болгарами, то органической связи с валашскою страню не получила, разве лишь в том смысле, что приобрела право конституционного представительства в бухарестском сейме. Для России, конечно, это была важная утрата, потому что отрезывала ее от Дуная, в бассейне которого живет многочисленное славянское население, связями с которым мы поддерживаем свое влияние на Австрию и Турцию. Поэтому

при заключении в 1878 году договоров Сен-Стефанского и Берлинского наша дипломатия настойчиво добивалась возвращения Южной Бессарабии и достигла этой цели, уступив Румынии Добруджу, полученную от Турции. Но этот промен, нужно заметить, был насильственным, потому что Румыния добровольно не хотела уступить Бессарабии.

Уничтожение анклавов на Кавказе было с успехом достигнуто в течение девяти лет, с 1855 по 1864 год. Так как в восточной половине Кавказского перешейка, именно в горах Чечни и Дагестана, враждебное нам население представляло уже организованное мусульманское государство, под управлением умного фанатика Шамиля, между тем как на западном подобной организации не было, то необходимо было одолеть сначала Восточный Кавказ. С этой целью назначенный в 1856 году наместником в Тифлисе князь Барятинский, руководствуясь идеями, изложенными еще в 1830 годах бывшим начальником Кавказской линии и учеником Ермолова, Вельяминовым, составил план систематического стеснения горцев Чечни и Дагестана отнятием у них лучших подгорных земель и проведением дорог внутрь их страны, после чего взятие приступом Веденя, чеченской резиденции Шамиля, в 1858 году, положило конец войне на севере от Андийского хребта, и за горами остался один бедный, скалистый Дагестан. Но и он сопротивлялся недолго. В следующем 1859 году загнанный с небольшим числом приверженцев на труднодоступную гору Гуниб, Шамиль, 26 августа, сдался без-

условно и был отправлен в Петербург, после чего официально весь Восточный Кавказ стал землею, подвластною России. Отличные услуги, оказанные в этой войне генералом Евдокимовым, побудили Барятинского поручить ему окончание покорения и Западного Кавказа, где между тем, по общему же плану, шло медленное, но верное движение вперед на юг от Кубани. Четыре года были достаточны Евдокимову, чтобы не только завоевать весь лесистый и потому чрезвычайно труднодоступный Западный Кавказ, от Дабы и Кубани до Черного моря, но и выгнать все горское население в Турцию. Мало того; по мере движения вперед войск, движения, в котором не было отступлений, как не было и запальчивых набегов, занятая страна немедленно была заселяема русскими, и когда в мае 1864 года закубанская армия перевалила на южный скат гор, тогда сзади ее остался край, в котором не было ни одного враждебного нам горца. Этот важный успех, конечно, был куплен недешево. Около 70 000 войск было сосредоточено в последние годы за Лабой и Нижней Кубанью; воевали и работали над устройством станиц и дорог зиму и лето; издержали более десяти миллионов рублей на одну колонизацию; но результат, в политическом отношении, был блистателен и удовлетворил Россию, которая, наконец, спокойно вздохнула после шестидесяти лет войны с черкесами. Услуги Евдокимова в этом деле так важны, что, конечно, он принадлежит к числу тех немногих кавказских деятелей, которые заслуживают монумента. К сожалению, плодам его

трудов охотно воспользовались другие, а его самого, человека без связей и протекций, по русскому обычаю, посадили, на 55 году жизни, медленно умирать в деревне под Пятигорском... И только несколько лет после его смерти бывший ярый антагонист его, Карцов, на кавказском обеде в Петербурге, торжественно признал, что если Россия кому обязана окончанием Кавказской войны, так, конечно, Евдокимову. И только в 1877 году, когда, при войне с Турцией, Западный Кавказ был спокоен, между тем как на Восточном разгорелось восстание, высшие правительственные сферы в Тифлисе и Петербурге поняли всю цену патриотической настойчивости, с которою в свое время Евдокимов, иногда вопреки предписаниям свыше, теснил горцев к стороне моря и за море.

Но отдавая должную справедливость историческим заслугам Евдокимова, мы не можем пройти молчанием и такой стороны его деятельности, которая справедливо ставилась ему в упрек современниками и, конечно, не будет вполне прощена потомством. А как эта деятельность была общею среди кавказских начальников и служила одною из причин, почему Кавказ так дорого стоил России, то приведем здесь краткие сведения о ней, касаясь не одного Евдокимова. Эти отрывочные указания, достоверность которых не подлежит сомнению, превосходно характеризуют вообще всю изнанку Кавказской войны.

В 1862 году граф Евдокимов стоял целый февраль у Хан-

ского брода на Белой. Там строили мост, который был снесен прибылью вод, причем переправленные на другой берег войска стояли биваком в лужах, без продовольствия. Все проклинали графа, все дивились, что он строит мост у Ханского брода, где и река быстра, и противоположный берег лесист, т. е. покровительствует черкесам в нанесении нам потерь, тогда как 12 верст ниже, около Белореченской станицы, можно было построить мост без всяких усилий. Никто не догадывался, что у графа был важный стратегический план, что он готовил важное поражение... конечно, казне, а не горцам. Только летом объяснилось, что устройство моста у Ханского брода нужно было для увеличения восьмиверстного расстояния Белореченской от Пшихской до 28 верст. Это же увеличение нужно было для того, чтобы на торгах на перевозу 70 000 четвертей провианта из Белореченской в Пшихскую купцы запросили по 1 р. 80 к. от четверти, а граф Евдокимов, отказав утвердить торги как невыгодные казне, мог отдать перевозку своему родственнику, комиссионеру Добровольскому, который и нажил при этом за 100 000 рублей, платя от четверти 8-10 копеек, так как перевозка совершалась по прямой линии и вне всякой возможности нападения горцев.

Евдокимову было пожаловано 7000 десятин в Ставропольской губернии. Разумеется, землю позволили выбрать, и вот что сделал пожалованный. Руководствуясь тем, что неудобные земли в счет не идут, он велел топографу окрасить на плане 4000 десятин лесу около станицы Есентукской

как неудобную землю и присоединить их к 7000 официально удобной земли. Надел был утвержден, и граф стал главным лесовладельцем в округе Кавказских минеральных вод. При перенесении войны за Лабу, где еще в 1860 году вовсе почти не было русского населения и, след., перевозочных средств, гр. Евдокимов завел конно-воловий транспорт в 300 подвод для перевозки будто бы казенных тяжестей за войсками. Транспорт этот, кроме телег, существовал на бумаге, но продовольствовался круглый год овсом и сеном. Десять или пятнадцать подвод, действительно бывших в комплекте, находились у графа в Есентуках и в Ставрополе, где помогали ему по хозяйству, напр., свозили сено в огромные стоги, торжественно стоявшие на городской площади, за недостатком места на дворе графа. Разумеется, эта плутня не могла укрыться от взоров тифлисских начальств, и потому Карцов написал Евдокимову конфиденциальное письмо, объяснявшее, что до главнокомандующего (Орбеляни) дошли слухи о некомплекте транспорта. Граф нашелся. Он задним числом написал в Тифлис то же самое и прибавил, что для проверки дошедших слухов он уже сделал распоряжение о собрании всего транспорта в ст. Зассовской, где велит осмотреть его. Карцов успокоился, но через несколько дней получил донесение, что в Зассовской случился пожар, транспорт сгорел, и начальник его едва спас казенные деньги, хотя лишился жены. 127 семейств казаков, погоревших дотла, были принесены в жертву хитрой операции, да, кроме того, ти-

флиссские начальства должны были ассигновать из казны новые деньги на вторичное заведение транспорта.

У графа Евдокимова в личном распоряжении состоял конно-мусульманский дивизион, составленный из мирных горцев и назначенный, с одной стороны, для того, чтоб приучать черкесов к военной службе России, а с другой – доставлять войскам переводчиков и проводников. Дивизион этот существовал только на бумаге, а отпускавшееся на него казенное содержание все шло в пользу Евдокимова и его штаба. Даже начальники отрядов получали чинов этого дивизиона к себе на службу фиктивно, что и выражалось словами «Послать такому-то в конверте десять, двадцать милиционеров», по мере расположения к нему графа.

Частные начальники, разумеется, подражали главному, и вот, напр., какие факты можно отметить здесь, хотя бы потому, что они, конечно, не найдут места в официальной истории Кавказа, изготовляемой стараниями Военного министерства:

По ходу войны войска оставались круглый год в поле, т. е. в палатках. Это обязывало казну переменять палатки два раза в год, так как официальный срок их службы – 24 недели. Но летом солдаты большею частию жили в шалашах из ветвей, зимою строили много землянок, и палаток хватало на полтора года. Стало быть, казна из трех раз два была обкрадываема начальниками. А между тем каждая солдатская палатка обходилась ей в 18–20 рублей, и в пятибатальонных

кавказских полках лагерь состоял из 270 палаток, что давало полковому командиру в полтора года до 10 000 рублей барыша.

Лошади полковые никогда не получали овса, кроме разве трудных эпох зимней бескормицы, а между тем овес отпускался на них от казны 9 месяцев в году, и притом по очень дорогим ценам. Эта «экономия» была так значительна, что самый падеж лошадей от бескормицы и изнурения и необходимость заменять их новыми не были чувствительны полковым командирам.

Командиры казачьих бригад, получая сами овес полною мерою, выдавали казакам только по шести четвериков из четверти, т. е. крали 25 % всего количества овса.

На лазареты, всегда многолюдные при войсках, действующих зиму и лето, отпускалось по 18–20 копеек на больного, а содержание его обходилось в 3–4 копейки: остальное шло в раздел между полковым командиром и старшим врачом. Так как от воли Евдокимова зависело назначить отрядный лазарет при одном из полковых или батальонных, то начальники частей платили большие взятки, чтобы получить право содержать у себя больных целого отряда в течение 3–4 месяцев.

Разумеется, кроме этих общих всем мер обкрадывания казны были в ходу, у людей смелых и пользовавшихся расположением Евдокимова, и частные, как например:

Командир Кубанского полка, Преображенский, сжег свой

цейхгауз (пустой) в Майкопе, чтобы получить во второй раз всю обмундировку на 5200 человек, обмундировку, которая была цела и сохранялась в станице Тенгинской. Полковник Левашов повторил ту же штуку не огнем, а водою. Он утопил годовые вещи в Кубани и этим вызвал лишь у Евдикимова ироническое замечание: «Ну, наконец ставропольский полк получит сукно моченое». Преемник Преображенского по командованию Кубанским полком, Горшков, в течение 5 лет заставлял 600 человек солдат работать на себя лично. Это были большею частью женатые люди, которые трудились по три дня в неделю на полковника и по три на себя, чем, конечно, были довольны, потому что затем уже не ходили на казенную службу. Горшков тоже был доволен, потому что, сдав полк, вывез с Кавказа 120 000 рублей.

Не будем приводить других сходственных фактов, потому что и этих достаточно, чтобы показать, какая глубокая нравственная порча царствовала в войсках, доканчивавших покорение Кавказа в 1860-64 годах. С искренним сожалением должно признаться, что она не искоренилась и по замирении страны. Напротив, изменились только условия казнокрадства, но самая сущность его осталась та же, и кто прежде обкрадывал военное ведомство, тот стал грабить казну по ведомствам внутренних дел, путей сообщения и пр. Мало того; значительная часть кавказских плутов, после окончания войны, перешла в Туркестан ж там посеяла те же плевелы, в союзе с казнокрадами оренбургскими и сибирскими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.